

В нашей школе затеяли ремонт. Рано или поздно везде затевают ремонт, но в школах это делают долго и обстоятельно. А у нас его решили делать неожиданно — прямо посреди учебного года. Что-то там треснуло в потолке, и, хоть трещину быстро залатали, директор сам настоял на ремонте. Наверное, он не хотел, чтобы в потолке снова что-то треснуло.

Он даже линейку собрал в начале ноября, отменил целый урок, поднялся на сцену в актовом зале, включил микрофон. И сказал:

— Раз-два-три.

После постучал в микрофон три раза. Оглянулся по сторонам. Поправил пиджак, передернув плечами, прокашлялся и добавил:

— Никаких длительных ремонтов!

Школа должна была справиться за полтора месяца — за декабрь и новогодние каникулы.

— Должны успеть! — взволнованно крикнул со сцены директор. — Я лично буду отмечать Новый год здесь и за всем прослежу.

Он замолчал, мы притихли. А кто-то из зала звонким голосом крикнул:

— А как же декабрь?!

Директор пожал плечами. Он всегда пожимает плечами — и если знает что-то, и если чего-то не знает. На уроках (он ведет английский) он пожимает плечами и ставит два. Или пожимает плечами и ставит пять. Или пожимает плечами и ставит три. Только ставя четверку, задумчиво смотрит в потолок. И сейчас он пожал плечами и сказал:

— За ноябрь нагоним. Если вы согласны, конечно.

— А в декабре-е-е? — занудно продолжал звонкий голос.

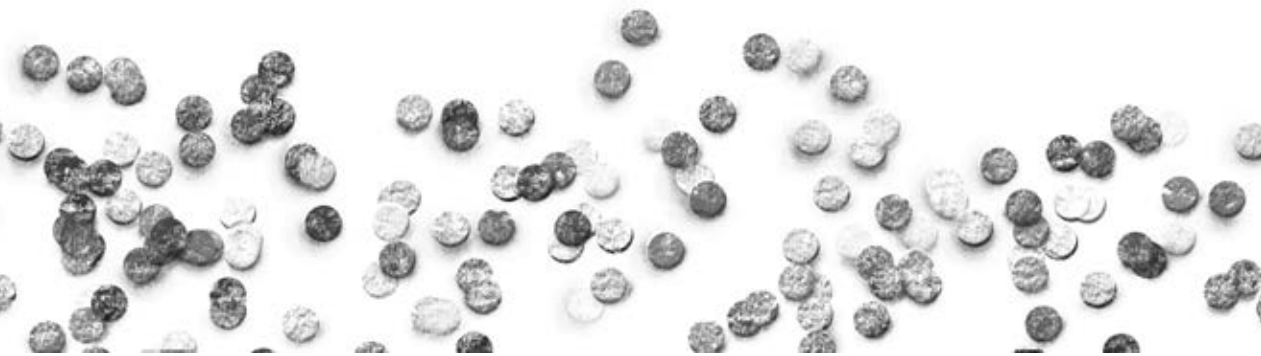
— А в декабре будем отдыхать, — сказал директор и смущенно улыбнулся.

И зал взревел. От радости, конечно. В потолок полетели ручки, тетради, первоклассники, с потолка снова сыпалась штукатурка, словно новогоднее конфетти. Мне кажется, «ура!» кричали даже учителя и подбрасывали кверху класные журналы. Наверное, честнее было бы сказать: «Вас ждет каторга на месяц», но директор на сцене стоял счастливый и веселый.

Потом началась каторга. Мы помнили, что впереди — свобода, и учились, стиснув зубы. Перемены сократили до пяти минут, большой осталась только одноименная перемена. Учились мы, наверное, не в два, а в полтора раза дольше — всё-таки учителя пытались втиснуть в один урок сразу несколько. Они сразу будто бы стали интереснее, наши учителя. Придумывали, как бы впихнуть в нас концентрированные знания, и мы учились скорее не по учебникам, а пользуясь полетом учительских мыслей. Я удивлялась — почему нельзя было так делать всегда? Ведь это были те же самые учителя, как ни крути.

Когда мы по утрам шли в школу, было темно — еще не рассветало. Когда мы уходили из школы домой, было уже темно. Включались фонари, разгорались всё сильнее и сильнее, а мы даже по дороге домой говорили о том, какие завтра будут уроки и как успеть приготовить домашнее задание.

На пятиминутных переменах я выходила в коридор, при-
слонялась головой к стене и слушала школу. Школа была
как настоящий мотор, заведенный директором, и разгон
был взят такой, что сложно остановиться.

Меня дергали одноклассники:

— Ну чего ты стоишь, уже урок начинается, скорее!

Все помнили одно: нас ждет декабрь и половина января.

Мы одобрительно кивали:

— Ничего, скоро декабрь!

Мальчишки похлопывали друг друга по плечам, двоечники
стали троечниками, а учителя нарадоваться не могли — так
все вдруг увлеклись. Директор улыбался направо и налево.
А сам переживал — вдруг нагрянет проверка, вдруг обо всем
этом нашем учебном процессе станет известно...

К директору часто подбегали ученики и заискивающе просили:

— Может, отмените физкультуру?

— Зачем? — удивлялся директор.

— Она только мешает, — объясняли школьники. —
Без физкультуры мы быстрее справимся.

Директор пожимал плечами, звенел звонок с короткой
переменки, и ученики, не дожидаясь ответа, бежали на урок.

Особо яростно мы учились последнюю неделю, в конце которой нам должны были выставить оценки за четверть и отпустить домой. В понедельник учительница математики сообщила:

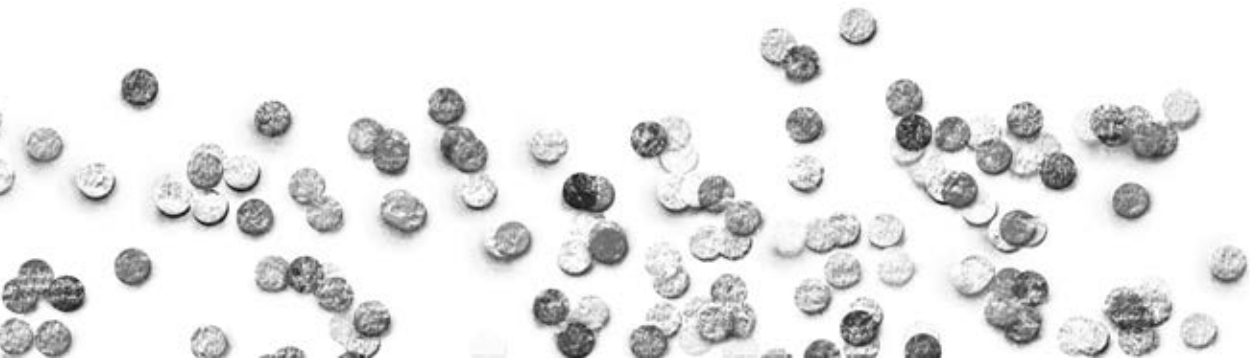
— Сегодня контрольная.

И мы, не сговариваясь, закричали:

— Ура! Контрольная!

Наверное, это было всеобщее сумасшествие. Мой папа сказал, что долго в таком режиме мы бы не выдержали. Что нас подхлестывает общий настрой и мы работаем на пределе наших невзрослых возможностей.

Я учусь в шестом, и у меня неплохой класс. Я, правда, ни с кем не дружу близко, но в школе мы нормально общаемся. Есть у нас тихоня Сонечка, которая всегда ходит с двумя косичками. Есть справедливый разбойник Максим, защищающий обиженных в школе. Учится с нами и высокая Светка, у нее большие черные глаза, и этими глазами она любит смотреть на всех подолгу и внимательно. У меня от нее мурашки по спине. Я часто думаю — здорово было бы с ней подружиться, но никак не получается. И она, по-моему, была бы не против. Мы живем будто в параллельных мирах.

Я иногда представляю себе, что мы дружим и она смотрит на меня долго, серьезно и внимательно, а потом говорит:

— У тебя, Мика, крошка к носу пристала.

И я тру нос и говорю:

— Спасибо, Светка.

Она не улыбается и кивает, а потом мы вместе идем домой.

Я часто думаю о том, почему не могут подружиться люди, которые хотят подружиться. Что им мешает?

Разве нельзя просто подойти и сказать:

— Мне кажется, мы станем хорошими друзьями. Давай?

И тебе ответят:

— Давай. Я позвоню вечером?

Ты кивнешь и постараешься скрыть улыбку. Потому что на душе станет здорово-здорово, хоть лети с места вверх. В раннем детстве подружиться с кем-то проще простого. А потом всё усложняется, будто люди не становятся умнее, а глупеют. Или делают вид, что им никакая дружба не нужна. Одним словом — дураки. Что и говорить, я такая же. Не умею. Вот бы научиться...

Наверное, если бы я была особенной, то мне было бы проще. Но во мне ничего особенного нет. Не высокая и не низенькая,

волосы не темные и не светлые — русые, нос как нос, руки как руки. Разве что я по-настоящему верю в чудеса — но верят, наверное, многие. Что этим гордиться? Ну и имя у меня не совсем обычное. Папа в раннем детстве жил во Франции, вот и дал мне имя Мишель. Мама не сопротивлялась, потому что вообще никакие девчоночьи имена не любила, а на такое была согласна. Меня пытались называть Мишкой, и мне это не нравилось. Я выбрала себе имя Мика — и оно стало моим.

То, что я не увижу свой класс ближайшие полтора месяца, меня совсем не расстраивало. Больше думалось о зимних каникулах — ведь они должны быть особенными. И мы жили в предвкушении большого праздника. Он казался бесконечным...

В последний школьный день мы торопливо спрятали дневники с оценками в рюкзаки, воровато переглянулись — вдруг все передумают и заставят нас учиться до конца декабря? А потом быстро разбежались, оглядываясь на школу и махая ей на прощание.

— С наступающим, — сказала мне на ходу Светка и ушла вперед.

— С наступающим... — шепнула я ей вслед.

Впереди были обычные выходные, а за ними — зима.

Первый день декабря выдался слякотным. Растаял выпавший накануне снег, серые воробьи то и дело заглядывали в окно, дети шли в школу. Я проснулась рано — привыкла, да и папа с мамой собирались на работу, и меня разбудил шум. Никакой радости от того, что начались каникулы, не было. Или я ее еще не осознала. Так бывает — ты радуешься, но сама этого не понимаешь... Или мы просто так привыкли к бешеному школьному темпу, что до сих пор не могли затормозить.

Я взяла книжку, села на подоконник и попыталась читать, поглядывая на улицу. Потом позавтракала, оделась и вышла прогуляться. Дул промозглый ветер, руки мерзли даже в перчатках. Я пошмыгала носом, допинала до ближайшей лужи камешек, зашла в магазин за шоколадкой и быстро вернулась домой. Потом валялась в кровати. Скучая, посмотрела пару фильмов. Поужинала вечером с папой и мамой и легла спать, как маленькая, после «Спокойной ночи, малыши». Вот дела — впереди был месяц одинаковых скучных дней.

Всё из-за того, что я необщительная.

